

ЗАСТОЛЬЕ

(ОПЫТ В БЫТОВОМ ЖАНРЕ)

Девочка Лиля была равака¹. Она владела квартирой в Кирьят-Шарете, подаренной ей мистером Джоной Полляком, чикагским жителем, работала в банке и в субботнем «Маариве» в столбце «бат-зуг»² значилась устроенной. Четыре года назад, в возрасте, когда Джейн Харлоу отказали почки, Лиле отказало благоразумие. Но вместо благодарности её Казанова с тех пор только и знал, что «вставлять ей палки в колёса». Девочка открытая и чуждая швейцарства, она в бесхитростных выражениях поверяла свои беды подругам, за что те её любили.

– Вот если б он был женатый, – говорила Лиля и скромно поясняла: – женатые довольствуются меньшим.

Теперь в самый раз сказать о мистере Джоне Полляке. С этим мистером Лиля познакомилась, будучи ещё на первом месяце, как говорится, своего пребывания в стране. Их повезли на экскурсию в Иерусалим. Мистер Полляк, по оперению ярчайший представитель пожилых заморских попок, стоял в группе себе подобных, но почему-то, судя по направлению его взгляда, упорно отказывался следить за объяснениями гида – если только предметом этих объяснений не была Лиля. Не зная, что подумать, Лиля всё же решила не думать дурно и застенчиво улыбнулась. По не зависящим от неё причинам – о коих будет доложено через... раз, два, три... через восемь предложений – иначе она улыбаться не могла. Между тем американец, поощрённый, вступил с ней в беседу. Незнание языка частенько оборачивается неумеренностью в изъяснении чувств. С неизвестно откуда взявшимся пылом Лиля начала доказывать приставшему к ней дядечке, что коль Исраэль хаверим³ – что тот, собственно, и без нее прекрасно видел. Тем не менее, свитая из «лет май пипл гоу» и «шелах эт ами»⁴ (типично: крохи английского поглощаются начатками иврита), Лилина речь произвела глубокое впечатление на мистера-твистера. Факирским движением он извлёк из воздуха 10\$ и протянул их Лиле. Лиля ни чуточки не обиделась, решив, что у них так там принято, хотя денег не взяла. Но, видимо, у них там так тоже не было принято, фокусник как-то сразу смутился, стал оправдываться и наконец сказал:

– Вы так похожи на мою бедную девочку, умершую в пять лет.

И как минутой раньше в его пальцах оказалась денежка, так теперь в них появился снимок прехорошенького ребенка с заячьей губкой. Лиля взглянула и застенчиво улыбнулась.

От природы она была честна – природа, что магазины в Мухово-Саранске: дефицитный товар отпускают не иначе как с нагрузкой; она честно признавала, что благодетель её, несмотря ни на что, всего лишь одинокое старое животное, молочный и глупый – даром, что в тот же вечер в ресторане он сказал ей: «Когда

¹ Незамужняя, здесь и далее – иврит.

² Партнёра.

³ Человек человеку друг, товарищ и брат.

⁴ Отпусти народ мой.

выйдешь замуж, я куплю тебе машину». Это, однако, позволило ей к слову «устроенная» присовокуплять еще слово «мехонит»⁵. Увы, газетное поприще не принесло Лиле успеха. Последняя же неудача была столь чувствительна, что на этом её сотрудничество в разделе «Ищу своего пару» прекратилось. Её корреспондентом оказался мужчина с козырьком зубов над нижней губой. Вдвоём они смотрелись ужасно.

Возможный Лилин «пара» уже во второй раз пропускал свою очередь на ширут⁶ в Кирьят-Шарет, потому что до сих пор ещё не решил окончательно: ехать к Шварцу или нет. С одной стороны, он был не прочь пообедать в гостях, но с другой стороны, инстинкт самосохранения предостерегающе грозил пальчиком. Инстинкт этот развит в нём был до такой степени чрезвычайности, что даже на лице у него читалось: я мальчик хитрый, меня не проведёшь – и странное дело: надпись эта проступала тем явственней, чем неуверенней он себя чувствовал. В такие минуты он становился важным, смотрел с презрительным прищуром, но при этом, сам того не замечая, что-то нервически тербил в кармане. «А что всё-таки Шварцу надо? Зачем он ко мне позвонил?» Эта мысль свербила в мозгу и сейчас, и час назад, когда он крутился перед зеркалом, – зимой он старался носить кожаные вещи – и третьего дня... Вдруг он вспомнил, как Шварц в последний их милуим⁷ говорил, что собирается открыть своё дело. «Неужели гарантия? Вот гад...» Надо отдать должное этому человеку, не верившему в бескорыстное желание других наслаждаться его обществом, – не каждый такого низкого о себе мнения, здесь опыт и настороженность взаимно питали друг друга. Самые вздорные из его опасений в той или иной форме, пусть даже навыворот, но неизменно оправдывались – словно окружающее в отместку за дурное к себе отношение платило ему той же монетой, а он, не замечая в этом ничего фатального, только получал лишний довод в пользу того, что он – мальчик хитрый.

Теперь он стоял, поражённый внезапным прозрением, стоял, стоял, да как-ак чихнёт – едва только успел поймать в кулак вылетевший из горла снаряд. «Вот, на правду, точно гарантия. Тысяч на двадцать или даже на сто. Нэма дурных». И уже повернулся он, чтобы идти домой (и уже плакал наш рассказ), как, поворачиваясь, он увидел проходящего мимо соседа, преклонных лет интеллигентного львовца, а львовец увидел его и, как человек интеллигентный, уже спешил обменяться рукопожатием.

– Извиняюсь, у меня в руке птичка.

После этого ему ничего не оставалось, как самому впорхнуть в подъехавшее такси. Там, подперев стеклом лоб, пассажир размышлял о двух вещах (и тоже не преуспел), а именно: куда деть птичку и как зовут Шварца.

Телефонный благовест не прекращался в доме всё утро. Звонили к Гене, звонила сама Геня, потом опять звонили к ней. Тут же что-то стиралось, стиралось, тут же играло радио и крутился ещё не спроваженный с соседкой на улицу шестилетний Пашка. Геня, не одетая, – в буквальном смысле слова – металась посреди всего этого, каждые пять минут переменяясь в настроении и соответственно суля Пашке то неземные блаженства, то битьё и головомойку. К полудню всё как-то унималось, звонки становились реже, Пашка оказывался пристроенным к какой-нибудь прогуливающей своё дитя соседке, а утомившаяся Геня усаживалась за стол, ставила перед собой тефлоновую кастрюлю или порыжевший советский казанок и прямо оттуда руками начинала уплетать – жадно, обжигаясь, а главное

⁵ Автомобиль.

⁶ Маршрутное такси.

⁷ Армейские сборы.

– совершенно не чувствуя что. Нередко муж, возвращаясь, заставал её в таком виде, тогда молча он брал в руки ложку и присоединялся к ней.

Когда по радио пропикало час, уже час как умолкший телефон вновь зазвонил. Не зная, кто там и сколько может продлиться беседа, Геня берёт с собой тарелку, стараясь при этом дожевать кусок пирога прежде, чем скажет «алё».

– Ахо, – это сопровождается отчаянным глотательным движением. – Нет-нет, что ты, мама, – и сразу же во рту появился следующий кусок – и одновременно мысль: «Вот на кого бы сегодня сбить Пашку...» – Хо а хем? (Что я ем?) Сыкуку мококу... Уже прожевала... Нет, его нет. Они пошли с Пашкой гулять, – ещё кусочек, – скоко букут. У нас сегодня гости... Нет, товарищи по работе. Устала стра... Ах, тоже гости... – страшное разочарование, последний кусочек. – Кококо, кококо... Да, мама, хорошо. Ой! У меня, кажется, звонок в дверь, ну, пока.

Геня села в кресло и задумалась. Затем сняла трубку и стала набирать номер. Она отнюдь не была врушкой-пустобрешкой (то есть врушкой пустого заввирушничества), для каждого вранья у неё имелась какая-нибудь причина. К примеру, выдав предстоящий обед за банкет сослуживцев, иными словами, за нечто серьёзное и сугубо мужское, к чему мать не могла не отнестись с пониманием, она втайне лелеяла надежду препоручить Пашку чужим заботам. Сорвалось с крючка. Далее, сказав, что ест «сыкуку мококу», она счастливо избежала нотаций, поскольку известно, что сырая морковка полезна для глаз, а вот для чего пироги полезны – это ещё никому не известно. Наконец, отправив Пашку гулять с отцом – ещё с вечера отбывшим по долгу службы и честной клятвы в направлении гор Гильбоа, – она отвела от себя подозрение, что Пашенька, не приведи Бог! гуляет с соседкой. Что же касается мнимого дверного звонка – то кто тут бросит в бедную девочку камнем, это даже и не враньё.

– Алё, Нолик?... Нет, не Илана... Тоже нет... Только, пожалуйста, не делайте вид, что вы хуже, чем есть на самом деле, вам это не идёт... Ах-ха-ха... Никакая Марина или Илана вам этого не простила бы... Как? И до сих пор не узнали? Это Геня говорит... (В каждой фразе – «улыбка молодой женщины».) Не верю, не верю, не верю... Ни единому словечку... Ну уж извините и подвиньтесь, это вы нас забыли, не звоните, не заходите... Ну, что вы поэт – это я и так знаю... На цитату берёте? Пожалуйста, возвращаю вам её: поэтом можешь ты не быть, но помнть о друзьях обязан... Что? Ах-ха-ха... Нет, серьёзно, я на вас обижена... Нет, неискупима... Как? Соломинка надежды? Ах, какая прелесть. Ну, так и быть. Чтобы сегодня вы у меня были к обеду... Да. Получите много пищи для творчества... Ах-ха-ха, и такой пищи тоже... Не угадаете – хочу сосватать одну дурочку... Да нет, крокодил... Ах-ха-ха! Ах-ха-ха! Нет, общество защиты животных мне ничего не платит... Совершенно бескорыстно, я такая... А серьёзно, почему бы не сделать человеку доброе дело... Не могу сказать, ни разу его не видела... Если она его с собой приведёт, то какое же это будет сватовство... Да какой-то там его друг. Эти друзья, вы же понимаете... Да, вы же понимаете... Нет, не согласна, можно быть очень интересным мужчиной и в то же время застенчивым... Ну, хорошо, не будем спорить, айкар⁸, чтоб вы пришли. Вам разрешается захватить с собой свою семиструнную подругу... Ах-ха-ха, нет-нет, семиструнную, другой не надо. И новых песен... Непременно, слышите, для меня. Я хочу новых песен... Ну, конечно: и песню с собой не забудь... Тогда, может быть, я ещё подумаю... Что? Эту самую? Ну, конечно, я её видела, она такая саброчка⁹ стала...

⁸ Главное.

⁹ Израильтяночка.

И разговор продолжается, продолжается, только с нас покамест довольно, мы ещё сегодня этих разговоров слушаемся. Не угодно ли для разнообразия немножечко мёртвой природы: свежей птицы, парной рыбы, перепалок и куралеток, пустопорожних пит – словом, немножко снедерса. Намечаемые Геней к предстоящему обеду кушанья суть мясной бульон с добавлением туда двух чайных ложек куриного концентрата «Osem» (следите за рекламой) и к нему горячий лапшенник (зэ тов, зэ «Osem»¹⁰), на второе – мясо из бульона, обжаренное в *бййце*¹¹, и на гарнир вермишель (зэ тов, зэ «Osem») с двумя видами салатов: салатом «майонез», вторым составляющим которого являлись макаронные кохавчики¹² (нам звезды Osema сияли) и салатом «хацилим»¹³, покупным, на третье же – нет, никто не угадает, что на третье, пирог был уже умят Геней более чем наполовину, и подавать его не имело смысла, а посему на третье – сюрприз...

«Если б она взяла к себе ребёнка, я бы отправила их сюда», – разговаривала сама с собой Геня, всё ещё лелея в мыслях несостоявшееся. Черта, присущая многим. Она стояла в Пашкиной комнате, машинально выковыривая ногтем большого пальца ноги пластмассовый глаз какому-то зверю. «Здесь бы лежал “Плейбой”, здесь они – на диванчике, кругом детские игрушки».

– Пашка! Иди сюда, где ты? – ей кое-что пришло в голову.

Пашка уже вернулся и, снявши сапожки, слонялся по дому в одних носках – сползшие с пяток, они напоминали утконосную обувь времён Варфоломеевской ночи.

– Эй, парень – сказала Геня, что одно уже служило для Пашки хорошим знаком. Желая ещё дополнительно подольститься к ней и одновременно оправдать эту благорасположенность, он сказал:

– Мама, Арик роца латэт ли цукария, аваль ло лакаhti¹⁴.

Это была неправда. В действительности Арик, зная, что его соседу запрещают есть конфеты, за спиной у матери предлагал ему их с тем, чтобы, едва Пашка протянет руку, сожрать всё самому. Это повторялось из раза в раз, но Пашкина доверчивость, казалось, не знала границ.

– Ну хорошо, молодец. А скажи мне, Пашка-какашка, ты очень хочешь конфету?

Наученный горьким опытом, Пашка молчал. Тогда Геня вышла на кухню и вернулась оттуда с тремя запечатанными целлулоидными пакетиками – в одном помесь желе с помадкой, в другом цукаты в шоколаде и в третьем «резиновый» мармелад («гумми-яин»), который Геня любила.

– Слышишь, Пашка, если хочешь, то всё это можешь съесть. Один.

Пашка молчал, напряжённо размышляя, зачем матери понадобилось его обманывать. В том, что она лишь дразнится, сомнений быть не могло – он скорее был готов поверить Арьке, что тот рано или поздно даст ему конфету, нежели матери.

– Но при условии, – продолжала Геня, – если будешь человеком. У нас сегодня гости. Когда я скажу, чтобы ты шёл к себе, – чтобы немедленно убирался, без капризов. Но слушай внимательно, пойдёшь в нашу с папой комнату, понял? Там будешь сидеть и там будешь есть конфеты, сколько влезет. Хоть все. Договорились?

Надо сказать, что маленькие дети в запретах видят лишь доказательство того, что родителям своим они небезразличны, и потому любое наказание, совершённое отеческой рукой, предпочтут словам «можешь делать что хочешь». Когда же вдруг без всякой видимой причины – ранее данного слова и т.п. – запрет сни-

¹⁰ Радиореклама: «Это хорошо, это “Осем”».

¹¹ В яйце.

¹² Звёздочки (от «кохав»).

¹³ Баклажанная икра по-арабски.

¹⁴ Мама, Арик хотел дать мне конфетку, но я не взял.

мается, то ребёнок пугается. Именно это и произошло с Пашкой. В страхе, что мама уже больше не мама, что его комната уже больше не его комната, он разревелся. Геня растерялась. Сознвая всю нравственную слабость своей позиции, она схватила сына и стала его зацеловывать, обещая три главных блаженства в жизни: театр, ролики и капитанскую форму на пуризм. Эту бурную сцену прервала соседка, у которой кончилась какая-то крупа. Геня «отложила» умиротворённого Пашку в сторону и полезла в свой лабаз.

– Столько тебе хватит? – спросила она, доставая синий жестяной параллелепипед, разрисованный чем-то аленьким, по четырём сторонам было написано «ВДНХ».

– Спасибо, более-не менее, – сказала соседка, забирая банку.

– погоди, Вика, я о чём-то хотела тебя попросить... – Геня сосредоточила брови на переносье. – Да, ты не могла бы одолжить мне на сегодня свой «Плейбой»?

– Я уже дала его в восемнадцатую квартиру, – ответила Вика.

– Ага. Ну ладно, схожу к ним.

Когда дверь закрылась, Геня весело крикнула:

– Пашка!

– Что, какашка? – откликнулся Пашка. Он уже совсем успокоился, и будущее представлялось ему в самых розовых тонах.

Шварца звали Кварц. Всё же (!) формирующее – или деформирующее – влияние имени на личность нам неизвестно. Вопрос: что представляли бы собою пунктирно обозначенные как возможные кандидаты в Шварцы Шмулик, Саша и Персей – первый прячется от дворовой ватаги, другой – участник математической олимпиады, ну а третий... велел подать себе крылатые сандалии – вопрос этот – гносеологический родственник (младший брат) величайшему вопросу современности: что бы было, если б был жив Ленин? Кварц же Шварц ещё в детстве представлял собою мальчика таки-да умеющего за себя постоять. Когда твоё имя рифмуется с фамилией, а в придачу от природы ты ещё получил крепкую грудь и крепкий лоб с выпуклыми висками, то умение «таки-да постоять» вырабатывается организмом едва ли не как род фермента. Впоследствии это приводит к одной замечательной штуке – к отождествлению себя со своим телом. Нередко лицо «таки-да умеющее» смешивают с лицом, которое «нигде не пропадёт». Это заблуждение. Случается, что его разделяют даже лица первой названной категории, к примеру, Шварц. Тогда они пускаются во всевозможные предприятия, проявляют чудеса энергичности, однако...

Как заводной автомобильчик, носился автомобиль старателя Шварца по Израилю, но, увы, всё напрасно. Не цеплялись обездоленные вдовы с плачем за его бамперы, не слали вослед ему проклятий разорённые седые халуцы¹⁵, и даже скопления русалок в речке-рабатгайке не наблюдались... Хотя – вот опять, проезжая Рамат-Ган, по дороге домой, Шварц сбил одну тремпистку¹⁶ – разумеется, с пути истинного. Грехопадение было назначено на вечер; сбита проявила исключительное понимание «лёгкого иврита», на котором устами Шварца делал ей предложение сатана. На радостях Шварц, забежавший на минутку в кафе за сигаретами, решил позвонить к Гене. При звуке телефона Геня – процитируем классика – покрутила вытянутыми губами, как рыльцем.

– Да.

– Х... на, – ответил родной голос. Промеж собой супруги всегда были запросто.

– Ах ты, е... м...! Ты где?

– В Провернул одно дельце. Что у тебя?

¹⁵ Еврейские колонисты времён освоения Палестины.

¹⁶ Едущая попутной машиной.

Нет-нет, больше сквернословия не будет. После того, как мы столь удачно ввели читателя в атмосферу семейно-бытового диалога, своей авторской властью мы вынудим их быть паиньками.

(Скажут: это нанесёт урон правде жизни.

Ответим: правда жизни ненасытна, она сперва наступает на пятки, потом – на горло. Видя, что ты поддаёшься, она требует от тебя всё новых и новых жертв. Скажи ей: нет. Скажи ей, что она недостижима и не нужна, что её попросту нет – ни жизни, ни правды. Вот и весь сказ.

Скажут:

Ответим: лицемерие – это тоже «резиновый дедушка». По мне, лицемер – кто не перематерит меня хорошенько, по тебе – кто не ест с ножа и говорит «пожалуйста». Если же спросить у людоеда, то по нём, лицемер, кто не ест

Короче, сызнава диалог.)

При звуке телефона Геня...

– Ахо.

– Всё жрёшь, – сказал родной голос. Промеж собой супруги всегда были запросто.

– А тебе и жалко, да? Ты где?

– В Рамат-Гане. Провернул одно дельце. Что у тебя?

– Ничего. Нолик Вайс звонил. В гости напрашивался, я его позвала тоже.

– Артист. И ты тоже... Без этого ломаки жить не можешь. Во все дыры пихаешь.

– Дурной ты какой. Я же тебе объясняю, что он сам позвонил, – Геня разлилась, правда глаза колет. – Что он тебе сделал, хочу я знать?

– Раздражает. В морду охота дать.

– Кроме как в морду, ты ничего не знаешь.

– Сю-сю-сю, сю-сю-сю, на тебя, когда он приходит, смотреть противно. «Нолечка, сю-сю-сю».

– Ты бы на себя посмотрел, как ты вокруг него плясешь, геро... ой! Кажется, звонок в дверь. Пока. Приезжай уже, слышишь, Кава?

Звонок был долгий. За дверью стоял друг Шварца по боевой колеснице. Геня отпирала дверь и одновременно пряталась за неё.

– Входите, но не смотрите на меня, – на Гене ещё не было платья. – Кварц скоро будет.

– О! – воскликнул вошедший с непосредственностью того ребё, что вспомнил, наконец, где оставил свои галоши. – Ага... а меня, значит, Бóрис. – Разрешив таким образом первый из двух мучивших его вопросов, Борис одним махом разделался и со вторым:

– Где у вас удобства?

Геня похолодела: вежливый гость сам решил закрыть за собой входную дверь.

– Нет, нет, не надо! – крикнула она.

– Да что вы боитесь, – сказал Борис. – То, чего вы стесняетесь, я видел много раз, – и закрыл дверь.

– За кухней налево, – прошептала пунцовая Геня.

В туалете Борис разжал кулак и вытер ладонь о пипифакс.

– У вас отличная промокашка, мягонькая-мягонькая, – крикнул он Гене из-за неплотно затворённой двери. Он уже думал утопить свою «птичку», но, вспомнив, что тогда придётся слить воду, только понадежней завернул её и вынес в кармане.

Не слыша звуков ниагары, – Борис намеренно не запер дверь, чтобы было явно, что у него там «что-то другое», – Геня в гневе отправилась инспектировать туалет, но была посрамлена.

– Вот так они и жили, – сказала она, появляясь уже при параде и разводя руками, как бы указывая на стены салона.

– Кто «они»? – спросил гость.

«Э, да ты совсем идиот», – подумала Геня. – Это поговорка такая.

Наступило молчание. Гость и хозяйка собирались с мыслями. «Они с Лилечкой – два сапога пара», – думала Геня. Борис же думал: «Сказала бы сразу, на какую сумму подписывать».

– Ну, как вам наша квартира? – спросила Геня, глядя на часики: что-то Лиля запаздывает.

– Видали и получше, – последовал ответ. – А что, большое дело с мужем откруваете?

– Какое дело? – с каждым новым словом гостя Геня всё сильнее проникалась одним страшным подозрением.

– Ну, со мной-то чего крутить... раз уж я гарантию даю.

– Какую гарантию? О чём вы? Паша! Паша! – «А что Паша? Разве Пашка мать защитит? Ненормален, возможно, маньяк, *видел тело...*»

– Послушайте, я тоже немножко коммерсант. – Борис угрожающе встал. – И в финансах я тоже волоку. На сколько тысяч вам надо гарантию?

Слово «волоку» Геню успокоило. Это было первое человеческое слово, которое она от него услышала. «А может, и в самом деле Кавке нужна гарантия?»

Появился Пашка, как-то бочком, помялся, помялся и исчез.

– Застенчивый, – сказала Геня и продолжала уже помягче. – Видите ли, я не знаю всего, что там у Шварца делается. Но мы такие люди, что последнее в доме продадим, а с долгами рассчитаемся.

– Так все говорят, – плаксиво сказал Борис.

«А вообще-то Кавка свинья, – подумала Геня. – Вот столечко не сделает, чтобы себя не забыть». – А что, он хочет, чтобы вы у нас были гарантом?

– Это и так ясно. А чего ради ещё человека звать? Не за красивые же глаза, – он принуждённо засмеялся.

«Ну, во всяком случае, твоей жене с тобой скучно не будет». – О, как вы ошибаетесь! О, как вы нас ещё не знаете! Мне Кава говорил о вас, что вы – хороший товарищ...

«Врёт», – подумал Борис.

– ...что вы одиноки в личной жизни. Вот я и подумала пригласить вас и ещё нескольких наших друзей...

– Вы меня сватать будете, да?

– Паша! Что ты здесь прячешься, или иди к себе, или иди сюда. Так что вы говорите, сватать? Вас? Ах-ха-ха! Ах, какой вы смешной... А почему бы и нет? Разве вы против хорошей партии?

Борис молчал.

– Если б я знал, то с бутылкой пришёл, – изрёк он наконец.

– А ещё не поздно.

– Нет, поздно. Уже на обед закрыто.

Геня со вздохом взглянула на часы: но где Лиля? И тут позвонила Лиля.

– Она миллионерша. У неё дядя миллионер, и она единственная наследница.

– С этими словами Геня пошла открывать дверь.

Лиля пришла с тортом, даже с двумя – другой на голове.

– Ах, какая прелесть! И ты сама приготовила? Давай сразу в холодильник. – Геня сразу взяла Лилю в оборот. – Давай, давай, раздевайся... давай, давай, проходи... давай, давай... – вспомнив про торт, – но ты же настоящая мастерица. Это же чудо... давай, познакомься. Это...

Борис хитро улыбался, но молчал. Лиля, протянувшая было руку, смутилась. Борина улыбочка говорила: я же знаю, что ты знаешь, а ты знаешь, что я знаю, но так уж и быть, давай поиграем в тили-тили-тесто.

– Борис очень похож на Пашку моего, такой же застенчивый, – вышла из положения Геня.

Пашка, только слышав своё имя, как ядро, влетел в комнату, стал прыгать вокруг матери и дурашливо кричать: – Гы! Пашка-кашка! Пашка-кашка! – он знал, что при посторонних он – «кашка».

– Ну что ты, **сын**очка, ну что ты, – ласково говорила Геня.

– Я вовсе не застенчивый, – сказал Борис Лиле, всё ещё протягивавшей руку.

– Вот скажите мне быстро: ноги в тесте.

– Зачем? – спросила Лиля и покраснела.

– И-го-го! – ржал Пашка, и вдруг точно так же заржал Борис.

«Вот бы их сейчас в Пашкину комнату», – подумала Геня.

Кварц щегольски припарковался, но, завидя человека с гитарным футляром, остался сидеть в машине. «Вайс», – сказал себе Шварц. А тот, поравнявшись с машиной, остановился.

– Ах, здравствуйте, милый Кава, – сказал он – так сладко, что на месте Кварца любой решил бы: пидор. – Со стороны нашей милейшей Евгении Исааковны...

– Иосифовны.

– Да-да, Иосифовны, конечно... очень мило было... – Нолик запнулся: что это он, в трёх соснах... – очень мило было пригласить меня, старика, на роль Гименея, – он произносил «Именея» и даже «Юменея», через еи: белая эмиграция, с боями отступал к Новороссийску, свободный Париж...

Сколько раз Кварц давал себе слово послать этого типа к бениной маме, и вот всё повторяется: он сидит, ушами хлопает. Пролетел:

– Не соблагоговеете ли принять помощь в отношении... в отнесении инструмента наверх?

«Бери, что хочешь, меч, полцарства,
Коня, красавицу Эльвиру,
Но лишь не тронь заветной лиры»,

– ответил Нолик.

«В отнесение» внешности Вайса: ему было немногим больше сорока, на столько он и выглядел, но почему-то это представлялось фальшивой молодостью маленького старичка, в котором всё подозрительно – и цвет волос, и брови, и даже веснушки на маленьких сухих руках, наводившие на мысль о старческих пятнах. «Маленький старичок» – говорят же так о детях. А Нолик сложением был мальчишка – малость окостеневший, малость негнувшийся... Если характер человека проявляется в его внешности, то Нолик Вайс прекрасное тому подтверждение: он был тем, за кого себя выдавал, а ему не верили, и всяк – всякий там Кварц – норовил его изоблечить.

– По-прежнему выписываете «Советский спорт»? – учтиво осведомился Нолик, свободной рукой беря Кварца под локоток.

– О да!.. – захлёбываясь, отвечал Кварц. – И ещё «Хоккей», и «Футбол».

Так они дошли до дверей, и Шварц не сразу отыскал на связке нужный ключ.

Услышав шкварц поворачиваемого в замке ключа и при этом увидав Нолика, Геня вскричала: – «Какой сюрпрайс, пришел к нам Вайс! – и закружилась по комнате. Для мужа у Гени тоже нашлось приветливое слово: – И Кавочка, и Кавочка миленький...»

– Здравствуй, Генечка, – сказал Кварц хорошо подкованным язычком, словно дома его поджидало семеро козлят.

– Говорите, кто из вас кого привёл? – спросила Геня, смеясь и на правах хозяйки собираясь взять у дорогого гостя большой чёрный футляр. Но Нолик что-то сказал ей на ухо.

– Ах, какой вы... (Он прошептал ей: «Бери, что хочешь, меч, полцарства, коня, красавицу Эльвиру...»)

– Он шёл... а я ехал... то есть уже стоял...

– Ваш муж притаился в своем «ланчо», он, наверное, хотел меня напугать.

– «Форд-капри», – уточнил Кварц.

Нолик присел на корточки: заводить разговор с детьми было хорошим тоном.

– Ну, сладкая поросль сердца кормящей матери...

– Бесейдер¹⁷, – выпалил Пашка, вообразив, что у него спрашивают, как дела, – и спрятался за мать (ему ли все цитаты знать!).

– Застенчивый, – сказала Геня. А вот наша гостья, познакомьтесь.

– Илана, – представилась Лиля.

Нолик как бы в сокрушении сердечном приложил ладонь к щеке:

– Боже, сколько же илан приехало в эту страну!..

– Это у нас Лиля, – вступилась за подругу Геня, – тщетно.

– А как, милая Илана, вы называете себя, когда мысленно к себе обращаетесь?

– Я никак к себе не обращаюсь, – ответила Лиля. – А вы?

– О!.. Один ноль... – Нолик выдвинул подбородок и, просунув за ворот рубахи два пальца, покрутил головой: душит белая. Его гардероб отличался постоянством – чтоб не сказать страдал им: академический твидовый пиджак, гладкие тёмные штаны, помянутая уже белая рубашка и галстук, синий в белую крошку, под микроскопом принимающую очертания ели. Сколько Геня помнит, Нолик никогда не расстёгивал верхней пуговицы и не оттягивал книзу узла, которым был завязан однажды и навсегда этот галстук в елях.

– Да это же Арнольд Вайс, да ты что! Поэт и исполнитель на гитаре, – объяснила Лиля Гене.

Между тем Кварц, неловко бросив Борису «старик», подошёл к окну и вперился в одну точку. Когда ему случалось быть не в своей тарелке, ничто так не успокаивало, как вид, открывавшийся на крышу автомобиля, – собственного, разумеется. Сверху твой автомобиль сигарообразен (что чужой тоже – не обращаешь внимания). Сравнению с сигарой он обязан, однако, не форме (чем сосиска, в таком случае, хуже?), а исходящей от него эманации роскоши, роскошной жизни, к которой делаешься причастен.

Борис тоже подошёл к окну.

– Твоё судно? – спросил он.

– Угу.

Борис воздержался от дальнейших комментариев. Он был из тех, чьи чувства и намерения двойной стеной отделены от поступков. В данном случае промежуток между стенами заполняли О и З, действовавшие по принципу отравляющих веществ: Осторожность и Зловредность. Поэтому, что бы он ни говорил Лиле, это не отражало его истинных желаний. Истинным желанием его, например, было жениться на миллионерке – он же своим поведением только отпугнул миллионерку. Теперь бы ему броситься исправлять промах, навёрстывать упущенное – он же поворачивается лицом к окну и позволяет какому-то дергунчику расточать ей комплименты и любезности, на которые сам, впрочем, неспособен в силу своей зловредности.

«Пусть, пусть, – думал он, – пусть, пусть...» – только одно слово, но ёмкое, вместившее миллион смыслов: пусть я шут, пусть циркач, так что же? Пусть

¹⁷ В порядке.

меня так зовут вельможи; пусть щебечет, это имеет смысл только в том случае, если особа сия в действительности является таковской, за каковскую выдаёт себя; пусть миловидна, пусть миллион за душой, ещё неизвестно, какая нынче пойдёт игра на бирже¹⁸; пусть миловидна, пусть причёсана у лучшего дамского портного, красота – это ещё не главное в жизни (заячьей губы он не разглядел).

– Чай, оттуда ещё? – произнёс за его спиной голос Нолика. Речь была о ватном и глазированном деде-морозе, который стоял на одной из полок книжного шкафа, приспособленного под сервант. – Хорошо, ўзюмительно, – продолжал голос. – В сарачинской шапке белой, с бородою поседелой.

– Подумаешь, наелся сливок и блеванул.

Нолик даже поперхнулся от неожиданности, и Геня долго стучала ему между лопаток.

– Се человек, – сказал он наконец, блистая слезами на ресницах.

– Се Борис.

– «Бóрис» надо говорить.

– Почему? – с наигранным простодушием высшего спросил Нолик.

Борис смерил Нолика презрительным взглядом. Он был сам себе голова и терпеть не мог авторитетов, Нолик же, как он понял, слыл здесь авторитетом.

– «Бóря» – значит «Бóрис».

– О, – усмехнулся Нолик, поворачиваясь к Гене, – да я вижу, здесь мир стоит. Простой, но целый, – и к Борису: – Но смотрите, первый же случайный автомобиль может разнести его в щепы, ходите осторожно. Я так и вижу: он из-за угла...

Геня тихонько ущипнула Нолика повыше локтя. Не понимая, что на три четверти его речь – путеводитель по русской словесности, она увидела здесь намёк на автомобиль как на возможное приданое Лили.

– Пойдёмте же, пойдёмте на кухню. Мне надо Пашку кормить. Будьте сегодня моим пажем.

На кухне Нолик опять подъехал к Пашке с разговорами. На этот раз с бóльшим успехом. Растягивая ложку на несколько глотков, пуская фонтаны бульона и слюней на стол и на рубашку, Пашка дал настоящую пресс-конференцию.

– Кем ты будешь, когда вырастешь большим?

– Совсем большим?

– Да.

– Вот таким большим? – Пашка развёл руки в стороны, оставив ложку плавать в тарелке.

– Да. А может быть, даже ещё больше.

– Тогда вот таким? – руки его раскинулись по вертикали, – как слон?

– Ну, предположим. Или как дом.

– Нет я хочу быть, как слон. – Это насмешило его, и он начал «гыкать» и смеяться, приговаривая: – Я буду, как слон! Слон больше, чем дом!

– Слушай, парень, ешь и не дури, – сказала Геня, но Пашка долго не мог успокоиться, и Гене пришлось на него цыкнуть. Нолик же продолжал:

– Скажи, Павлик, а какая девочка у вас в классе самая красивая?

– Никакая, они все противные.

– А ты их бьёшь?

– Да!

– А у тебя есть друг?

– Да, есть!

– А как его зовут?

– Арье.

¹⁸ Биржа.

- А он тоже бьёт девочек?
- Да!
- А у вас есть в классе дети, у которых текут сопли?
- Но-о-лик, – сказала Геня.
- Есть, арба¹⁹, – ответил Пашка.
- Ну, а как зовут вашу учительницу?
- Моника.
- А у неё на каждом пальчике по колечку?
- Нолик, умоляю, вы разворачиваете мне ребёнка.

Поскольку хозяин мухой прилип к стеклу, гости постепенно сгруппировались вокруг Гени на кухне. Лиля хлопотала вместе с ней у плиты и даже была в фартуке. Нолик теоретизировал на уровне поваренной книги. Борис стоял, скрестив руки на груди, третью, воображаемую, он держал на эфесе шпаги.

Вняв совету Нолика, Геня решила разнообразить меню ещё «подливкой по-сефардски» – помидорами, жареными в масле с мукой, луком и перцем. «Все специи годятся, давайте всё, что есть». Нолик также получил фартук и нож в руки.

– Я превосходный шпажист, ни одна хозяйка не владеет орудиями колющими и режущими лучше меня. – Он со стуком отсекал от длинной зелёной стрелы крошечные цилиндрики и съедал белый корешок, но прежде галантно предлагал его девочкам. – Что делать, я лакомка, – говорил он в своё оправдание.

– Лакомка!.. – восклицала Геня, приседая и шлёпая себя обеими руками по коленям, словно вот-вот прыснет от смеха. Борис же бубнил, невнятно, монотонно, как первобытный воин: «А теперь полаками свой глаз, а теперь полаками свой глаз». – Только не заставляйте меня убедиться в том, что вы и в своей холостяцкой обители готовитесь к обеду с таким тщением.

– Упаси бог, Генечка, чтобы я вас заставлял. И потом, с чтением я действительно редко готовлю, не люблю делать одновременно два таких важных дела. Мой девиз: Лукулл обедает у Лукулла... Боже мой, Илана! Ужасная женщина, что она делает!..

Тарелка, накренившаяся, как кузов самосвала, застыла в воздухе – Лиля, кончив нарезать помидоры, собиралась плюхнуться их на сковородку.

– Поставьте на место. Вы бы сейчас всё испортили. Вы что, не знаете, что прежде их нужно промыть? Смотрите.

Нолик утирал струю воды и под ней пальцами стал перебирать каждую дольку, высмаркивая её и делая полой. Глядя на соскальзывающие в раковину розовые в зелёных зернышках сопли, Борис вдруг сказал:

– Так и рот с выбитыми зубами промывают.

Нолик не нашёлся, что ответить. Лишь заглянул Борису в глаза, демонически улыбаясь и трепеща бровями, – словно заглянул ему в душу. Геня принялась жарить лук, и через минуту квартира наполнилась его медвяным духом.

Лиле – чей тип был «некокетливая», чей статус был «подруга, помогающая подруге», чья претензия в этом мире в лучшем случае исчерпывалась словами «...но у меня добрая душа» – Лиле Борис, в общем, понравился. Симпатичный, современный, но при этом вполне мог быть человеком трудной судьбы, которому нужен просто хороший друг. Печально, что Лилин тип своих симпатий обычно ничем не обнаруживает. Ни на кухне, повязанная фартуком, ни сидя за столом, она так ни разу и не повернула в его сторону свой негритянский носик. Геня уж старалась и так и сяк: усадила их рядом, сама села на уголок: – Ну, мне и на углу не опасно, не то что некоторым. – Благодаря этому Вайс и Шварц оказались ли-

¹⁹ Четыре.

цом к лицу по разным сторонам, четвёртой своей стороной стол примыкал к стене – как пианино.

Геня планировала культурно поставить сухарь (из Кремизана), но в последний момент передумала – махнула рукой на культуру и вспомнила про водку в шкафу (не холодильником).

– Провалы в памяти разрушают виды на семейное счастье, – многозначительно понизив голос, сказал Нолик.

– «Водка “Петровка“, белая головка, – читал Борис. – Импортируется из Ашкелона».

– Ну, мальчики, за что выпьем? Кава, ты хозяин, тост.

– За красивых дам, – сказал Кварц и... тихонько пукнул.

Но это всегда случается именно так, дорогой читатель: не к месту, неожиданно и неприлично. И поверьте, мы бы этого тоже не заметили, если б при этом у Кварца не вырвалось: «Ой, слиха»²⁰. Геня же сказала: «Скандал в благородном семействе».

– А за некрасивых? Что до меня, – Нолик повернулся к Лиле и продолжал с уже отмечавшейся нами дрожью в бровях, – то я пью просто за дам. Каждая из них прекрасна. За прекрасных дам.

После первой, второй и третьей гости молча трапезовали. Утолив первый голод и налив в четвертый раз – хотя и не выпив, – закурили. Лиля на всякий случай отказалась от предложенной ей сигареты. Нолик набил трубку.

– А почему бы вам не перейти на пайп? – великодушно обратился он к жалкому пари Шварцу.

– Что? Куда перейти? – не понял пария.

– Этот человек, Нолик, невежа, не обращайтесь к нему, – сказала Геня. – Мне стыдно, что у меня такой муж. – Она выдержала паузу, прежде чем закончить мысль: – Чтоб человек не знал английского языка.

– Мне хватает иврита, – буркнул Кварц.

– Молчи, невежа. Я даже не могу сходить с ним в кино без того, чтобы на нас не шикали. Надо переводить ему каждое слово.

– Но ведь, кажется, есть специальный кинотеатр, – Нолик не сказал «для убогих», но прозвучало это так. – Ну как его?

– «Исходус», – подсказала Лиля.

– Да-да, у него какое-то смешное название.

– «Эксодус» надо говорить, – поправил Бóрис, – и не будет тогда смешно. – Лиля покраснела.

– Ах, что вы, это ужасно, – сказала Геня. – Одна публика там чего стóбит.

Лиля, не пропускавшая ни одного фильма с русским переводом, посетовала на отсутствие мест, где можно «приятно провести вечер» – она хотела сказать «нам, несемейным», но воздержалась. И тут Нолик привёл в движение магнетические силы своего ума:

– Я слышал, что в Тель-Авиве открылся клуб людей трудной судьбы. Имени Максима Горького.

– Ваш острый язычок режет без ножа, – заметила – очень правильно – Геня. Борис же тоже правильно заметил:

– На каждый острый язычок есть ещё более острый ножик.

Выпили по четвёртой и закурили снова. В те головы, что были послабее, уже начал ударять хмель. Геня кокнула на кухне тарелку. «На счастье, на счастье», – закричали все, только Шварц промолчал: он был скупенький. Кончив убирать посуду, перемазанную майонезом, кохавчиками, пеплом, хацилим, Геня стала обносить

²⁰ Ой, извините.

первым блюдом: бульоном, в котором плавал макаронный клинышек бабки. Это был прямой вызов Архимеду. Размеры клинышка не влияли на уровень бульона в тарелке. Нолик тут же заметил, что ему «слишком много бульона». Для Кварца это послужило сигналом к реваншу.

– Ей, видите ли, из-за меня в кино неудобно... Да мне из-за тебя за столом с людьми сидеть неудобно – всё сама съедает.

Борис, напротив, держался мнения, что хозяйке «больше всех за столом магия».

– Магия ла, магия ла²¹, – твердил он заплетающимся языком. – Она больше всех трудилась.

Геня быстро сменила тему разговора.

– Хватит вам над хозяйкой смеяться... Лиля, а что ты сегодня такая скучная. Устала миллионами ворочать? Лилечка у нас в банке трудится. Научила б, как разбогатеть.

Лиля постучала перстами в грудь – условный знак пищеводу поторопиться – после чего сказала:

– Ну, есть разные тохнийёт. «Итрон матаим», например, хорошая. Значит, ложите на программу схум ад арбат алафим и уже через год можете выбрать восемь тысяч, и еще вам дадут алваа. Или можно купить нярот эрэх – это тоже хорошо. А ещё есть лезугот цаярим, это вроде как машканта²²...

– Ну, тебе-то машканта ни к чему, тебе твой дядя такой дворец отгрохал...

Однако Лиля была не из тех, кто строит свое счастье на лжи.

– Мистер Джона Полляк мне не дядя. Он мой покровитель.

– Неважно. Иногда чужой человек такое сделает, что куда там родному дяде. Квартира, – Геня начала загибать пальцы, – машина к свадьбе, а дети пойдут... Да ты что, мать, бездетный – он же тебе состояние оставит, эх!..

Геня говорила убеждённо. Нолик только покачал головой:

– Так вот она какая...

– Так вот она какая, большая-пребольшая, – промурлыкал Борис.

– Нет, кроме шуток, Иланочка, – сказал Нолик, – ежели бы я да был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире, я бы сию минуту на коленях просил любви и руки вашей, – и он действительно продемонстрировал, что было бы, если б он отвечал всем этим требованиям.

Кварц засмеялся.

– Смех без причины, знаешь, признак чего? – строго сказала Геня. Она, конечно, не могла знать, что рассмешило мужа: муж вспомнил, как тремпистка сегодня говорила ему: «Не ври, вы, русские, на нас женитесь только из-за приданого».

– Увы, – со вздохом продолжал Нолик, – я никак не могу просить вашей руки. Я заклятый мисогамист. – Он поднялся с колен и, став позади Бориса и Лили, уснастил их плечи, два внешних плеча, эполетами своих пальцев. – Мисогамист, Иланочка, это такой мужчина, который не готов свою возлюбленную низвести до положения няньки, прачки, кухарки. Это вариант для Иланочки. Тебе же, муж чести и совета, – имелся в виду Борис, – скажу иное. Мисогамист это тот, кто не желает закабалить себя союзом с нянькой, прачкой и кухаркой. Никогда, никогда не женись, мой друг, – вот тебе мой совет. Не женись до тех пор, пока ты не перестанешь любить. Женись стариком, никуда не годным. А то пропадёт все, что в тебе есть хорошего и высокого. Всё истратится по мелочам. Да, да, да! Не смотри на меня с таким удивлением...

Правду сказать, Борис и вовсе на него не смотрел, а сидел бледен и прям. Он был жестоко пьян.

²¹ Ей полагается.

²² Тохнийёт, схум ад арбат алафим, алваа и пр. – банковские термины.

Известно, что хмелеют, как и пьют, – по-разному. Интересно, однако, было бы установить зависимость между первым и вторым. Нолик опрокидывал, будто пил с локтя, отставив его под прямым углом: поручик Ржевский. Борис сперва долго созерцал рюмку на свет, зажмурил один глаз, – прицеливался; глотая же, производил горлом звук – стрелял. Он и ел-то не как все: ковырялся, что-то браковал, оставляя на краю тарелки, что-то выуживал потом изо рта и клал в ту же кучку. После нескольких рюмок он побелел, насупился и осуждающе уставился в стенку.

Кварц Шварц пил, и были ему эти рюмочки, что слону дробина. Да тут ещё мысль о предстоящем randevu.

Девочки пили и пьянели тоже по-разному, но у них это получалось как-то по-своему, по-женски. Геня на подмостках многотысячного театра вдыхала аромат искусственной розы. Лиля выпивала буднично: хозяйюшка, пьющая следом за хозяином.

– Но, Нолик, дети! Как же без детей! – воскликнула Геня. – Дети это же всё.

– Генечка, вы превратно меня поняли, я не против того, чтобы мужчины имели детей, я против того, чтобы они имели жён... – Геня сделала такие страшные глаза, что у Нолика душа ушла в пятки, во всяком случае, он укатил на попятный двор: – Разумеется, это мнение одной стороны. Не вредно выслушать и другую. А что Иланочка думает?

Лиля была настроена весьма решительно. – Я бы очень хотела иметь ребёнка, воспитывать его. Вот Пашка – какой золотой ребёнок, и не видно, и не слышно его.

Отвлечёмся ненадолго. Пашка в самом деле был золото. Заточённый в родительской спальне, он смиренно нёс бремя своего обязательства. «Такова селяви, – как сказала бы Геня – за минуту удовольствия платишь по расценкам хай-сезона». А Пашка ещё пытался продлить наслаждение сверх отпущенных ему сил – что в характере человека – продолжая есть конфеты, когда ему уже совершенно этого не хотелось. Предварительно он выстраивал их в боевом порядке. «Гумми-ян» и «Элит» были сирийцами и египтянами. Наши цукаты в шоколаде побеждали на обоих фронтах. Танки со звуком «уджж» проносились по родительской простыне, оставляя на ней следы. То один, то другой взмывал в воздух и пикировал на врага. Но победители несли и самые большие потери...

После того, как все три армии были разбиты, Пашка продолжал издавать «уджж». Тяжко раненный в живот, он корчился на поле битвы, но в лазарет не шёл, терпел.

– Если б я писал книгу для детей под названием «Честное зеркало», – сказал Нолик, – то первый пункт гласил бы: «Детина, изыди».

– Да, – горячо поддержал Кварц. Кто-кто, а уж он-то знал, какая это досадная помеха – дети. – У ребёнка должен выработаться условный рефлекс: собрались взрослые – марш к себе.

– А вы ещё и физиолог, Кава. Не ожидал.

Кварц был польщён.

– Ну а что... в самом деле... вот мой парень – воспитан же.

Стали хвалить Пашкино воспитание, всячески подчёркивая в этом заслугу матери. Геня снисходительно кивала, она мнила себя докой по части воспитания детей, в особенности полового, которому придавала особое значение. Здесь у неё имелись разные теории. В частности, считая необходимым приучать сына к *виду тела*, она ходила по квартире голая.

Только упала под стол вилка, как в дверь не преминули постучать – по-свойски, по-коммунальному.

– Воткнитесь! – зычно крикнул Шварц – по обыкновению, дверь была не заперта (коль Израэль – хаверим).

Соседка зашла вернуть «милиционера с ВДНХ» – красно-синий жестяной параллелепипед. «Куда поставить?» Что обычно выражают лица попавших в атмосферу чужого веселья – то и выражало её лицо: смесь брезгливости, превосходства и некоторой зависти. На неуверенное «может, посидишь?» ответила: «Как-нибудь в другой раз».

С её уходом комплименты по адресу Гени продолжились. «Мать года», «Макаренко в колготках», «Геня гений». Лиля брякнула ни к селу ни к городу: «Не та мать, что родила, а та, что воспитала».

Нолик взял её руку в свою:

– Умница, – и, глядя её руку, пропел Борису: – «Как бык шестикрылый и грозный, мне снится соперник счастливый».

– Пение есть облагороженная рвота, – сказал Борис. Это были его последние слова. В следующую секунду он повалился на Лилю, которая завизжала. Хромолитография: «Девушка и мыш». Затем оба рухнули на пол. Хромолитография: «Падшие создания».

– Ююуу!.. – просигналила Геня, всем видом своим, поджатыми губами и заведёнными к потолку глазами, говоря: этого ещё не хватало. Кварц ограничился кратким «опс!». Нолик сохранял ковбойскую невозмутимость:

– На вас, Иланочка, кажется, что-то упало?

Лилю из-под Бориса вызволяли: плита, настоящая плита. Сколько раз Бориса отваливали, столько раз он возвращался в прежнюю свою позицию.

– М-да, наш девиз – упругая пассивность, – заметил на это Нолик.

– Кавка, – сказала Геня тихо, – его надо в Пашкину комнату. (Можно сказать, всё шло по плану.)

Без лишних слов Кварц подмёл своим однополчанином пол: он был в ярости. «Сейка» на запястье показывала половину шестого, тремпистка, похоже, накрылась плащом – но нам его не жалко, ей-богу, не жалко. Нам жалко Лилю: перепугалась, сломала ноготь, поехал чулок – до сего дня ни разу не надёванная пара. А причёска... Чем она краше и мудрёней, а уж Лиля постаралась, тем неприглядней бывают последствия природных катастроф, от которых застрахованы разве что бритоголовые леди из Меа Шеарим²³. На Лилином месте другая давно бы уже разревелась с досады, наша же мужественная девушка только тяжело вздохнула – и направилась в ванную.

В её отсутствие Геня, отвечая на нескромный Ноликов вопрос, вполголоса поведала печальную историю совращения Лили банковским клерком.

– Для него это был потом такой стыд, такой стыд... Неудивительно, что он сам же стал вставлять ей палки в колёса. И ведь хорошая неглупая девочка, – прибавила Геня самодовольно. – Умнее многих мужиков.

– В отличие от тех, кого вы называете мужиками, она не может себе позволить быть глупой.

Если бы Геня держала в руках сложенный веер, она бы игриво шлёпнула им Нолика. Но у неё в руках была вилка, на которую она не менее игриво накальвала тончайшие мясные волоконца и вермишелевых червячков, то там, то сям поналипших к донышкам тарелок. «Всё было выпито и съето» – мнимая цитата – кроме десерта.

В продолжение сказанного Нолик пустился в рассуждения о женщинах с физическим изъяном.

– Некоторые считают, что уродливые и калеки доступнее, рады всякому, кто их поманит. Глубоко ошибочный взгляд. Они страшно недоверчивы, во всяком случае, по сравнению с теми женщинами, для которых мужская любовь, как еже-

²³ Религиозный район в Иерусалиме.

дневный утренний душ... – Это была колкость, но особого рода, когда и не ответишь-то. По некоторым признакам, и на исторической родине Геня держалась правил гигиены, что приняты на родине слонов.

Воспламенённый своими пылками филиппиками по адресу тех, кто под покровом темноты пристаёт к хроменским и обваренным, Нолик разразился горячим панегириком самому себе. (Панегирик, воспаляющийся от филиппик. Мы сознательно устроили очную ставку этой паре иностранцев, столько лет безнаказанно морочивших нас своим появлением в совершенно противоположных контекстах. Так одного и того же человека попеременно видишь то за рулём восемнадцатого автобуса, то продающим халву на рынке. Прикажете предположить, что «он» – это попросту двое близнецов?)

– Я бы никогда не позволил сатиру в себе восторжествовать. Я бы никогда не позволил отвлечённой чувственности предварить чувство, внушаемое конкретной женщиной. Поэтому я всегда бросался на приступ таких илионов, несокрушимость которых общеизвестна. И всегда дерзко карабкался по их стенам, причём еще не случилось такого, чтобы дерзость моя не была вознаграждена.

– «Я всегда, я никогда» – вы что, абсолют? По-моему, вы уже заговариваетесь, – грубо оборвала Нолика Геня. Он стал её раздражать – после того, как упомянул про утренний душ. – Что он там нёс (подразумевался Борис), что его сейчас вывет?

– Глубокоочтимая Евгения Батьковна, прежде всего, я не заговариваюсь, а заговариваю вас, а это, как говорят в Одессе, – а я, да будет вам известно, рождён в Одессе, – две большие разницы. Что касается господина Бóриса, вашего гостя, то ковров ваших он пятнать вроде бы не собирался. Господин Бóрис сказал только, что моё пение есть облагороженная рвота.

У Гени оборвалось сердце. Всё. Нолик оскорбился. Нолик сейчас уйдёт и больше никогда не придёт. Кончилась дружба со знаменитым бардом Арнольдом Вайсом.

– Ах, какой дурной, боже, какой дурной! Это же надо такое сказать! Да сам он рвота... Вы, конечно же, не обиделись на этот фрукт...

– На фрукт – нет.

– Ну так в чём же дело, откуда эта мрачность? Вспомните, машер, о своей гитаре да спойте. – Душевно наморща нос и тряхнув волосами. – Спойте, машер! Вы и песня неразлучны, как Ром и Ремул.

– А это ещё что за звери такие?

– Ром и Ремул, Но-о-лик...

– Ром и Ремул, – проворчал Нолик, – Ланин и Стелин.

– Нолик... Вы. Меня. Разыгрываете!

– Розыгрыш кубка. Ладно, так уж и быть, спою.

Здесь надо открыть один маленький секрет: Нолику гораздо больше хотелось петь, нежели Гене слушать. И так бывало всегда. В гостях Нолик с нетерпением искал случая уступить настойчивым просьбам своих почитательниц и что-нибудь для них исполнить.

– Ну, где же публика? Кого прикажете восхищать?

Геня пошла звать Лилю. Лиля, уже расчёсанная, сидела в Пашкиной комнате. Можно предположить, что она считала своим долгом быть подле Бориса. Последний, в беспорядке сваленный Кварцем на диван, – руки, ноги вперемешку – был теперь аккуратно сложен. Голова покоилась на плюшевом медвежонке, бледный шарик пупка, нескромно открывшийся, исчез под пупком с глянцевой обложки «Плейбоя», заменившего отсутствующий плед.

– Ну, мать... Ну что же ты здесь сидишь-то? Нолик сейчас петь будет.

Лиля была уведена.

Нолик разъял футляр на две восьмёрки и извлёк оттуда свою подругу семи-струнную, со сливочными деками и поджаристыми густо-коричневыми обечайками; установил складной игрушечный стульчик, на который поставил левую ногу в чёрном начищенном полуботинке. Девочки сели рядом и приготвили слушать. Нолик покосился на Кварца: тот вновь прилип к окну, рассредоточенно глядя на светящуюся сетку огоньков вдали, где-то там напрасно ожидало его родственное тело. Нолик дважды ударил по струнам, резко и призывно, но попытка эта – завербовать себе ещё одного слушателя – успехом не увенчалась. Кварц даже не шелохнулся.

На артистическую манеру Нолика, однако, не могла повлиять численность аудитории. Он, подобно картине, сработанной широкими мазками в расчёте на десятки кубометров пространства, и в крошечном помещении оставался неизменен.

– Нет, я знаю, чту спою. А всё же каковы желания почтеннейшей публики?

– Пожалуйста, исполните нам «Круглый гроб», – попросила Геня.

– Так, «Круглый гроб»... Вам хочется слабейшую из моих слабостей. Но нет! Достаточно я уже тешил толпу, достаточно потакал своим слабостям и её невежеству – пардон, мадам, я не о вас, да-да, вы, в третьем ряду. Теперь всё кончено. Отныне поэт сам избирает предметы для своих песен, толпа не имеет права распоряжаться его вдохновением.

– Ляма?²⁴ – капризно спросила Геня, до ушей растягивая рот: «маленькая елда²⁵». Но Нолик уже перебирал струны. То, что он говорил, представляло собою мелодекламационное вступление.

– На днях я до глубокой ночи с трубкой в зубах гальванизировал труп своей памяти. «Память, говори!» – заклинал я ее. И ожил призрак. Зашевелилось, проснулось, закружило меня... Быть может, это была совесть? Возможно. Быть может, это боль всколыхнулась во мне? Вероятно. А может... тоска по ушедшей юности сжала мне сердце? Юность моя... свежесть моя... Она пришлась на пору, когда части Закарпатского военного... Но нет, я лучше спою о том, о чём не в силах сказать, – Нолик прочистил горло (Геня тоже ощутила желание очистить с горла хрипотцу, но переборала себя – ещё решит, что его передразнивает, – и вдруг услышала, как Лиля делает «кхм-кхм»). – Итак, песня. «Медаль за взятие Будапешта. Видение далеких лет».

Бредём в молчании суровом,
Венгр и поляк.
И кровью нашей, как рассолом,
Опохмелялся враг.

Гремят по Будапешту танки,
Пой, пуля, пой!
Пусть знают русские портянки:
На Висле я – свой.

Нам в Польше кровь сдавали братья,
Иген – так.
Приятель был у меня Матьяш,
Парень чужак.

На Висле, Влтаве, на Дунае,
На Эльбе – о-ооо!

²⁴ Почему?

²⁵ Девочка.

На Тиссе, Буге, Даугаве
Я – сво-ооой!

Бредем по Пешту, вдруг оттуда,
Сквозь ток вод,
Свою загадочную Буда
Улыбку шлёт.

Нам звёзды Эгера сияли,
Я видел сам.
А значит, душу не распяли –
Но пасаран!

Бредём в молчании суровом...

и т.д. – последний куплет Геня уже подтягивала вслед за Ноликом. Пользуясь безличной формой, как пользуются в фотоателье картиной с отверстием на месте головы, Геня без труда отождествляла себя с одним из этой молчаливой группы, вернее, пары: оба суровы, головы опущены, воротники подняты, бредут. Венгр и поляк.

Были исполнены затем еще две песни: «А Кохане, дер ров» («А Кохане, дер ров, воронёный свой кольт на арабских наводит детей») и «Круглый гроб», специально для Гени.

– А не вдарить ли нам по кофею? – спросила Геня, беря сигарету, – последнюю.

– Генечка, эта мысль, безусловно, была внушена вам свыше... только прошу...

– Проси что хошь, коня, полцарства, жену – красавицу Пальмиру, но лишь не трожь заветной лиры...

– Генечка, у вас потрясающая память, но посягаю я именно на вашу лиру: не подавайте хотя бы к кофе вермишель. Мы уже не сомневаемся в вашей способности делать из нее конфетки.

– Злой, фуя, бяка противный! – на Нолика обрушился град игрушечных кулачков.

– Вы же мне грудную клетку проломите, что вы делаете! – Нолик притворно закашлялся и вдруг поперхнулся: от кашля глаза налились кровью, язык свернулся трубочкой.

– А вот мистер Джона Полляк после обеда ест сыр, – решила поддержать разговор Лиля.

– Ну и дурак ваш мистер Джона... как сказал бы господин Бóрис... – он всё еще боролся с кашлем. – На сладкое надо есть сладкое...

– А что малбй делает? – Кварц вдруг очнулся, о чём-то вспомнив.

– Поди и посмотри, – огрызнулась Геня. – Ну что, вам полегче?

– Да, Генечка, благодарствуйте. Только больше не ломайте мне рёбер, пожалуйста.

– Не буду, убедили, – Геня посторонилась, пропуская Шварца. – А что, машер, вы-то сами небось сладкого в рот не берёте?

– Напротив, я совершенно согласен с господином Бóрисом, на сладкое надо есть сладкое (вот это техника).

– Нолик, нет...

– Как, вы не едите сладостей? И вы, Илана, тоже?

– Я ем.

– Ах, Нолик, вы не понимаете. Мы, женщины, – другое дело. А мужчина не должен есть сладкого. Пашке, например, я ни грамма сладкого не даю, он даже чай пьёт без сахара. Или ты мужик, или ты сладкоежка.

Воротился Кварц.

– Ну что?

– Спит.

– Ладно, так и быть, без сладкого вы не останетесь. У меня есть что-то такое, чего вы никак не ждёте. Сюрприз, пришёл к нам Вайс! Смотрите...

– «Белочка»! Настоящая «Белочка»! – Лиля вся аж порозовела. – Откуда она у тебя?

Оказывается, «Белочку» прислали Кварцу авторы этого имени, вместе со многими разделявшие то мнение, что недаром славятся советские конфеты, русский табачок («О, русский табачок», говорит пленный фриц), московское метро и грузинский чай – и, судя по лицам присутствующих, подобное мнение экспортируется гораздо успешней, нежели предметы, о которых оно трактует. Таким образом, чай пили по способу домработниц – с шоколадными конфетами. В последний момент выяснилось, что кофе кончился.

– Отсутствие кофе переносится большинством наших земляков сравнительно легко, чего не скажешь о сигаретах. После чая и 2,5 «Белочек» на брата (дробью мы обязаны Борису) страшно хотелось затянуться, а не тут-то было; то есть, может быть, и было, и даже тут, если поискать хорошенько, скажем, у Шварца в правом кармане, даром, что он пенял вместе со всеми на отсутствие курева.

– Посмотри, может у тебя где-нибудь завалилась записка? – иносказательно зывала Геня к мужниной совести.

– Да нет же, откуда? – тот случай, когда предпочитаешь потерпеть, только бы не растревлять себе душу зрелищем чужих пальцев, удящих в твоей пачке.

– Ну, Кав... а вдруг...

– Что я – врать буду?

Лиля, «подруга, помогающая подруге», вызвалась спуститься в маколет, закрывающийся через четверть часа.

– Купи «Тайм», две пачки «Тайма», – сказала Геня. – Я тебе денег дам.

– У меня есть, не надо.

Генина настойчивость не была чрезмерной.

– Есть «не надо».

При этих словах жены Кварц рассеянно стал озирать потолок.

Единственный, кто в сигаретах не нуждался, был Нолик. Но и его кисет оскудел, судя по тому, как он с деланным вздохом заглядывал в него. Впрочем, кисет вещь экзотическая, разложи элитарный курильщик на полу свою трубку в разобранном виде со всеми её атрибутами: кисетом, щёточками, тряпочками, лопаточками – и спляши над ней ритуальный танец, все бы подумали, что с трубками так и надо. Другими словами, и без предварительного шаманства-жеманства ничего не стоило сказать, что так мол и так, Иланочка, у меня кончился вирджинский мой табачок, я с вами. Кто бы ему на это возразил, что «Шхуна смерти» (Ли и Фшиц, огранич. Новый Орлеан) в олимовскую шхуну²⁶ ни разу ещё не заходила.

Не успела закрыться за ними дверь, как Шварц, мысленно тысячу раз посылавший их ко всем чертям (мы обещали не сквернословить), закурил. Направляя гостей по указанному адресу, он, конечно, не предполагал, что это больше, чем метафора. Откуда ему было знать, что рассказ о нём, как и о прочих здесь, вступил в свой заключительный фазис, а на заключительном фазисе, то есть перед концом, всегда набирает силу всё, что есть в нашей жизни таинственного. В конце всегда расцветает мистика.

Покамест ещё все шло как ни в чём не бывало. Подмигнув Гене, Кварц щёлкнул по пачке – белому торцу с красными уголками, по которому мурлыкало-курлыкало импортное название: его чёрные буквы так и просились в траурную рамочку.

²⁶ Эмигрантский квартал.

– Угощаю, – с нарочито украинским «гэ». – Геня, переносившая чашки в кухню и там складывавшая их в раковину, выдернула сигарету губами.

Кварц метался по квартире, как по энской воинской части в пятницу днём: дяденька мифакед²⁷, отпустишь на шиши-шабат²⁸? Слабая надежда вырваться ещё согрела ему чресла. Шпагат стрелок (7.05, маколет уже закрыт) привёл его в сильнейшее возбуждение. Невозможность совокупиться на стороне представлялась в образе Гени – затаившейся в кухне под прикрытием дверцы холодильника.

– Нет... она еще жрёт...

Но лисанька так отвечала серому волку:

– Ах, Кавчик, представляешь, Лилин торт позабыли поставить на стол. Вот я и думаю: за пять дней ему в холодильнике ничего не делается, а? И глядишь, маме подарок ко дню рождения есть. Что ты скажешь?

– Мне без разницы, – буркнул Кварц, всё равно кисанька завтра же сожрёт торт.

Он вновь принялся расшагивать по энской воинской части. Бесили вещи, бессловесные послухи его томления, – то пинком, то ещё как-нибудь он срывал гнев на всём, что ни попадалось ему на пути. Бег времени не приближал, а неотвратимо отдалял минуту верного свиданья – прости, Нолик... Когда стрёлки стали на пуанты, с благословения Гени Кварц учинил расследование – посильное и посему совершенно безрезультатное. Пока он спускался по тёмной лестнице (не далее как вчера ввинтили новые пробки), воображению рисовалось: бредут они, значит, в суровом молчании через улицу – вдруг из-за угла автомобиль на четвёртой скорости... Или – вдруг феддаины²⁹ совершают очередной акт отчаяния...

– Ну что?

– Мистика... – и, быть может, никогда истина не была так близка к нему (поправок не принимаем, у истины тоже есть ножки, порой даже очень резвые).

– Но я не понимаю, они никуда не могли... их вещи... да гитара тут! Определённо что-то случилось. Кварц, ну что ты молчишь...

Кварца осенило.

– Слушай, да пошли они – куда пошли. Но этого... – в сущности, он довольно лестно отозвался о Борисе как о мужчине, – ...я сейчас отвезу домой. Не спать же Пашке всю ночь с нами.

Порой Геня нуждается в опоре, в дюжем муже, принимающем решения, – неважно, какие.

– Кава, тебе видней.

О, ещё бы! Он видел, что сейчас немногим больше половины восьмого, и если выехать без промедлений, то можно ещё успеть в Рамат-Ган.

– Еду! – резко, по-мужски. Геня любит, когда так. – Какой у него адрес?

– Кавочка, откуда я знаю? Ты же к нему звонил...

– Чёрт! (Или что-то в этом роде.) У меня только телефон.

– А ты на нём поищи. Как будто личность трупа устанавливаешь, – для наглядности Геня манипулирует с воображаемым телом.

Кварца уговаривать не надо, вот только произведённый обыск дал ничтожные результаты. Единственной добычей, если не считать мелких денег и гребешка, был скомканный клочок туалетной бумаги, машинально развернув который Кварц издал ужасающе брезгливое «бэ!»

– Что? Что там?

²⁷ Командир.

²⁸ Пятница-суббота.

²⁹ Персидск., арабск. – люди, жертвующие собой *во имя идеи*; боевики в нек-рых мусульманских странах; напр., египетские Ф. в 50-60-е гг. осуществляли террористические рейды на территорию Израиля. – Прим. редакции.

Ах, попалась, птичка, стой, не уйдёшь теперь домой – попалась всё же Борина «птичка», как ни берег он её, в чужие руки.

Но что же случилось с Лилей и Ноликом, какая бездна поглотила их? История эта печальна, поучительна и, как уже намекалось, загадочна. Только закрылись за ними врата светлой обители Шварца, как они очутились в царстве перегоревших пробок. Ноги их двигались на ощупь и... руки тоже. Что? Не может быть? Честнейшая Лиля? Ну ладно, допустим, мы увеличили число оборотов в минуту, проявили излишнюю поспешность. Следовало подготовить читателя к такому повороту парой-другой фраз, как это, возможно, сделал Нолик. Возможно, это даже произошло, когда они уже поднимались наверх, отягощённые двумя пачками «Тайма». Очень вероятно, что Нолик поддерживал при этом свою кроткую даму, которая – в отличие от читателя – была не вполне тверёзая. Не исключено также, что дама – здесь, как и читатель, – была несколько удивлена, но отпора не дала, а позволила событиям следовать своим чередом – между прочим, известен такой род целомудрия: ограничиваться, так сказать, состоянием непотворствования, следовать выражению «руки опускаются». Наконец, не была ли Лиля в глубине души готова к тому, что Нолик – не менее Кварца рыцарь своего тела – в комбинации *он, она, тёмная лестница* даст волю своему рыцарству.

А вот что говорил при этом Нолик. Диаграмма паха.

– Я враг парфюмеров, но вашим духам я должен отдать справедливость (ниже то же самое он скажет и о её белье: – Я враг всякого белья, кроме постельного...), они создают вокруг вас ауру неприхотливой отзывчивости, на которую вправе рассчитывать иной истомившийся странник – о! Я отлично понимаю вашу склонность к созданиям несовершенным, или, точнее, незавершённым. Эскизность привлекает нас не только в искусстве, но и в жизни. Она дает простор нашей фантазии, дорогая, здесь ступенька, позвольте – не благодарите, да, фантазии, возносящейся ввысь по ступеням бесчисленных допущений, щедро ссужаемых нам сослагательным наклоном, не так ли, Иланочка? Давайте отдохнём, куда спешить, когда впереди вся жизнь. Да, так о несовершенных творениях Божьих, которые мы находим до того привлекательными, что самоотверженно готовы просиживать часами у их пьянящего одра. Верно, дефект привлекателен. Он – случайная щель, пропускающая наружу свечение души, он – не запланированный зодчим выступ в стене, за который цепляется рука штурмующего какой-нибудь неприступный илион. Иные, не веря в небрежность зодчего, усматривают в ней провокацию. Но это уже слишком, это рабанут нам не велит... Моя Ипатия ещё удерживает нить? А впрочем, не трудитесь. Сожгите в своей чудесной доброй головке всю эту книжную дребедень, которой обременяет вас никому не нужный старый чудак. Взгляните на меня, взгляните на глупца (увлекшись, Нолик позабыл, что Лиля не сова, а читатель – что сгустилась тьма). Старый пень вообразил себя способным пленить берёзку, поверил в родство душ... Что тебе до моих многомудрых, а значит, бесконечно печальных раздумий, как сказано в одной антинаучно-популярной книге. Год-два, и ты, которая так блестяще выклитировалась³⁰ в земле Эдома и Содомы заботами мистера Джоны, – ты пройдёшь мимо умирающего нищего барда и не узнаешь его. Слушай, Илана, мало кто знает это. Я тяжело болен, у меня удалён желчный пузырь – дай руку, вот... Любимая женщина променяла меня на тугую мошну. В тот самый момент, когда я в бреду повторял её имя на большой койке, она развлекалась в Савьоне... Так имеет ли право сей удачливейший из мужей – в горестных кавычках – имею ли я право ещё толковать тебе о том, что есть жизнь, что есть любовь?! О, прочь руки, жалкий наглец!.. Не смей касаться

³⁰ Абсорбировалась.

материи столь тонкой... Боже, какое у вас бельё! Я враг всякого белья, кроме постельного и столового, но у этой нежнейшей ткани так мало общего с обычной подпругой... (Со всхлипом.) Лилит! Не откажите... я умоляю... только раз позвольте мне погладить общности... да-да, теперь мы владеем ими сообща... одинаково дорожим ими... ого! Наш девиз – упругая пассивность.

И тут совершилось невероятное – по крайней мере, с точки зрения науки. Желая испытать, не врёт ли «наш девиз», Нолик тыльной стороной кисти, тяжёлой, пружинисто-безвольной, надавил на Лилину грудь. Поначалу испытатель ощутил то же, как если б это был хорошо надутый воздушный шарик – вот-вот заскрипит – и блаженствовал, как дитя, пока вдруг в гневе не понял, что если кто здесь и надут, то это он сам. Пять лучеобразных косточек оказались упёрты в костный забор Лилиной грудной клетки, всё же прочее исчезло, как мыльный пузырь.

– Как прикажете это понимать, сударыня?

Лилия не только не поняла, какие роковые перемены произошли с её составом, но даже грозовые нотки в Ноликовом голосе уловила не сразу. Нолик тряс в воздухе тряпичную плотью, которую держал между средним и указательным пальцами, приговаривая:

– Вот это, вот это как прикажете понимать?

Лилия схватилась за грудь, и – этюд по системе Станиславского: «пропажа бумажника».

– Да тише вы, чёрт побери, не так правдоподобно...

– Что же вы со мной сделали... – прошептала она. – Что же вы... – но поскольку за вторым разом это должно было быть выкрикнуто (всё по той же системе), Нолик быстро зажал ей рот.

– Вы что! Совсем с ума сошли? Сейчас все сюда сбегутся... Главное, мне нравится: я с ней сделал. Вы что, не знаете, что женщина, у которой косметический протез, ни при каких обстоятельствах не должна забываться?

Лилия редко, но пронизывающе глубоко, словно подпрыгивая, дышала. В промежутках между ёлочками, как изобразил бы эти спазмы осциллограф, ей удавалось говорить.

– Протез? Какой... протез, никакого протеза... о чём вы гово... рите, у меня не было никакого протеза... (ык!) я нормальная девушка... здоровая, мистер Джона Полляк... – свидетельство на этот счёт заокеанского джентльмена, безусловно, не могло вызвать никаких сомнений, вопрос лишь, в чём? Лилия, во всяком случае, дальше не продолжала.

– Но... такого не бывает, – сказал Нолик, чувствуя, как Лилина икота начинает передаваться и ему. – Не хотите же вы сказать, что ваша левая грудь, которую сейчас спустило... что это была самая обыкновенная женская грудь?

Вместо ответа Лилия тихонько заплакала.

– И вы прежде ничем её... не нагнетали – ни парафином, ни чем иным?

– Нет, – прошептала Лилия, совсем убитая.

– Ну, не плачьте, давайте разберёмся, как это могло быть. – Нолик чиркнул спичкой. – Подержите. Вот так, хорошо.

Лилия держала спичку, прикрывая щитком ладошки дрожащее пламя. Когда спичка догорела, она зажгла следующую, затем ещё одну... Нолик походил теперь на какую-то невероятную стряпуху, миллиметр за миллиметром исследовавшую лист отлично раскатанного теста, свешивавшегося с руки, как предметы в известном сюрреалистическом шедевре. Тщётно искал Нолик прореху, через которую джин мог выйти из бутылки.

– Только, пожалуйста, осторожно.

– Ну что вы, конечно.

Нолик осторожно извлёк из другого чехольчика наполненный сосуд, осмотрел и так же осторожно вправил назад.

– Знаете, попытайтесь её как-нибудь разнять, а я попробую вот что...

Лиля стала разлеплять склеенные внутренним вакуумом стенки, Нолик тем временем, припав ртом к маленькому мундштучку с краю, раздувался соловьём-разбойником.

– Проклятье... – проговорил он, отдуваясь и вытирая губы. – Что же делать? Этажом выше слышался шум и мелькнул свет.

– Не дышите...

Они распластались по стенке (ну совсем как Лилина злополучная грудь). Ладно, читатель, хватит тебя донимать. Всё равно конец этого рассказа повисает в воздухе, и мы решительно не видим способа, как самим выйти из создавшегося положения и вывести из него своих героев. Мимо прошел Кварц, дважды, вниз и вверх.

– Мистика... – дверь захлопнулась.

Мы перебрали несколько вариантов конца, включая и счастливый. Мы заготовили одну любопытную фразу и намерены ею леиштамеш(ь)³¹ направо и налево: «Число персонажей в рассказе настолько меньше числа возможных их прототипов, что если первых поделить на последних, то на долю каждого придётся сущий мизер – даже и не обидно никому».

Что касается упомянутого счастливого конца, то мы готовы предложить его, так сказать, в рабочем порядке, в виде экскурсии, что ли, в творческую лабораторию автора – но никак не более. Читаем: «Конец счастливый. Лилю увозят в больницу, где ей накачивают грудь. Там же заодно ей делают пластическую операцию. Борис так и не узнает, что у нее была заячья губа. Они женятся, и м-р Дж. П. присылает им миллион. Под влиянием пережитого Борис исправляется, становится милым и доверчивым. 30 тысяч (IL? \$?) он дает Q. на открытие собственного дела. Нолика по просьбе трудящихся унесли черти, и он теперь в Америке. У Пашки тоже полный порядок: соседский Арик может подавиться своими конфетами – Пашка их в гробу видал».

*Декабрь 1977
Црифин – Цаялим*

³¹ Пользоваться.